

ИВАН
ЕЛАГИН

ОТВЕТЫ
НОЧНЫЕ
СТИХИ

И в а н Е л а г и н

ОТСВЕТЫ

НОЧНЫЕ

СТИХИ

ИЗДАНИЕ «НОВОГО ЖУРНАЛА»
НЬЮ-ЙОРК, 1963

GLEAMING IN THE NIGHT

by

IVAN ELAGIN

Обложка работы художника В. БОБРИ

Copyright by the author, New York 1963

*Моей жене
Ирине*

Напротив, на стене, мои соседи
Висят в тяжелых рамах под стеклом.
Вот женщина задумчивая, в плече,
А вот студент за письменным столом.
Поодаль две скучающих девицы
Бессмысленно в стекло уткнулись лбом.
И через год мой каменный альбом
Открою я на этой же странице.

Здесь дом стоял. И тополь был. Ни дома,
Ни тополя. Но вдруг над головой
Я ощутил присутствие объема,
Что комнату звался угловой.

В пустом пространстве делая отметки,
Я мысленно ее воссоздаю,
Здесь дом стоял, и тополь был, и ветки
Протягивались в комнату мою.

Вот там, вверху, скрипела половица
И лампа вбок была наклонена,
И вот сейчас выпархивает птица
Сквозь пустоту тогдашнего окна.

Прошли года, но мир пространства крепок,
И у пространства память так свежа,
Как будто там, вверху, воздушный слепок
Пропавшего навеки этажа.

Здесь новый дом построят непременно,
И может быть посадят тополь тут,
Но заново отстроенные стены
С моими стенами не совпадут.

Ничто не знает в мире постоянства,
У времени обрублены концы,
Есть только ширь бессмертного пространства,
Где мы и камни — смертные жильцы.

Снова дождь затеял стирку
Крыш, деревьев, кирпичей.
Дни ложатся под копирку
Антрацитовых ночей.

А во сне — в ночном походе, —
На путях каких — Бог весть,
День наш в сонном переводе
Мы пытаемся прочесть,

Ночью каменноугольной,
Ночью грузной и большой,
Пробираясь, точно штольной,
Нашей узкою душой.

Там в скитаньях непрерывных
На мгновенье зажжены
На мятущихся экранах
Зашифрованные сны.

Все удачи, все печали,
Всё, что было позади,
Всё, что за день настучали
Ундервуды и дожди.

Но рассвет, войдя в квартиру,
Выхватит издалека,
Возвратит дневному миру,
Сны срывая по пунктиру
Телефонного звонка.

Комары толклись у водоема,
Где-то птица крикнула в листве,
И закат прошел, как Монтигомо,
Перья пронося на голове.

Уходя по золотым канавкам,
С темнотой еще ведя войну,
Запустил он в небо томагавком
Мстительно блеснувшую луну.

И когда, стеной ночью заперт,
Он замел последние следы,
Вместе с ним ушли на Дальний Запад
Краснокожей осени сады.

Мне незнакома горечь ностальгии.
Мне нравится чужая сторона.
Из всей — давно оставленной — России
Мне нехватает русского окна.

Оно мне вспоминается доньше,
Когда в душе становится темно —
Окно с большим крестом посередине,
Вечернее горящее окно.

Отпускаю в дорогу с Богом!
Отдаю тебя всем дорогам,
Всем обманывающим и сулящим,
По которым мы жизни тащим.
Отдаю и реке, и саду,
И скамье, где с тобой не сяду,
И кусту отдаю, и оврагу,
И траве, где с тобой не лягу,
И предутреннему перрону,
Где, прощаясь, тебя не трону.

Отдаю всем заливам синим,
Где мы в воду камней не кинем,
Всем перилам и всем оградам,
Где с тобой не застынем рядом.

Отпускаю в дорогу с Богом!
Отдаю тебя всем дорогам,
Всем тревожным привалам нашим,
На которых свистим и пляшем,

На которых поем и плачем...
Всем удачам и неудачам.

Отдаю тебя на поруки
Ветру, счастью, дождю, разлуке —
Тем, что будут с тобой повсюду,
Там, где я никогда не буду.
Отдаю тебя службам жадным,
Лифтам, лестницам и парадным,
Коридорам и кабинетам,
Разговорам, кивкам, газетам,
Папкам, подписям и печатям.
Там мы порознь жизнь растратим.
За казенным и за поденным
Сумасшествием телефонным.

Отдаю тебя всем соблазнам,
Встречам легким, веселым, праздным,
И печальным горячим встречам
В час, когда защититься нечем.

Дождь бежал по улице на цыпочках,
Дождь бежал то тише, то слышней,
Дождь бежал, асфальт вечерний выпачкав
Масляными красками огней.

Под ногами, точно в черном озере,
Светофора вспыхивал рубин.
Отсветы неоновые ерзали
В темноте асфальтовых глубин.

Точно все огни земные плакали
В бесконечных прорезях дождя.
Ночь под землю уносила факелы,
Улицы с собою уводя.

Вот он, город мой неузнаваемый,
Город каменной моей судьбы,
Под тобой оранжевыми сваями
Световые движутся столбы.

Я и сам о том уже не ведаю,
Что ищу я в шуме городском,
За какими отсветами следую
И в пространстве двигаюсь каком.

Я уже не ощущаю хлесткости
Наискось летящего дождя,
Где-то рядом в вертикальной плоскости,
Плоский сам, проскальзываю я.

Может быть, из всех объемов вынутый,
В измереньях двигаясь иных,
Я теку, в асфальте опрокинутый,
Отсвет — среди отсветов ночных.

Небоскребы упрятались в марево.
Зажигали огни самолеты.
В отдалении сумрак вымарывал
Городского пейзажа длинноты.

Понемногу окрестности вызаря,
Из какой-то заоблачной зыби,
Как угарный экран телевизора
Задымилась луна на отшибе.

И опять, не звана и не прошена,
Тень моя обозначилась рядом,
И скользит удлиненно и скошено
По ночным мостовым и фасадам.

Тень моя, отщепенцем ты кажешься
Между грузной стеной и цистерной.
В этом мире объема и тяжести,
Что ты делаешь, призрак двумерный?

Я и сам обтекаемо-выгнутый,
Закругленный и мягкий, в овале,
Как попал я сюда, где воздвигнуты
Эти каменные вертикали?

Эти кубы, параллелепипеды,
И углы, и бетонные плиты!
Тень! с тобой из орбиты мы выбиты,
Тень! в чужую орбиту мы вбиты.

Тень! нам кто-то с тобой позавидовал,
Нам, которые криво летели.
Нас втолкнули в темницу эвклидову,
За решетки прямых параллелей.

Пробегают такси по соседнему парку
И рекламная осень пестра и шумна.
Пролетающий лист, как почтовую марку,
Ветер лепит с размаху на угол окна.

Я не думал о вас. Ваше русское имя
На туманном стекле написалось само.
Я и осень моя со стихами моими
С этих пор адресованы вам как письмо.

Нежность видно родилась зайкой, —
Ей слова даются тяжело.
Ей бы медвежонком в чаще дикой
На заре обнюхивать дупло.

Ей бы грызть заостренный и горький
Лист брусничный, да лежать во мху,
Слушая, как ветер на пригорке
Треплет тонкоствольную ольху.

А ее просили сесть в гостиной,
И была хозяйка с ней мила,
Оттого, что нежность чинно-чинно,
Очень хорошо себя вела.

Столь необычайное смиренье
Даже озадачило кота:
Кот изобразил недоуменье
Знаком вопросительным хвоста.

Кот нашел, повидимому, странным
То, что нежность так себя ведет:
Кот в любви был старым ветераном,
Помнил, что такое нежность, кот.

Знал, что не унять ее томлений
И умел он на своем веку
Ткнуться мордой в милые колени,
Ухом почесаться о щеку.

Исчезают, как в водовороте,
Выплески однообразных дней.
Вы наверно так и не придете
На свиданье с нежностью моей.

Не скучно ли на темной дороге?

А. Грин

Всю ночь мигает вывеской отель,
И дождь шуршит в камнях и железе.
Я понял всё. Вы — Биче Сениэль,
А я искал смеющуюся Дэзи.

Мой мир для вас был темною стеной,
А мне сказать хотелось вам так много,
И думал я, что вам вдвоем со мной
Не будет скучной темная дорога.

ЧЕРНОВИК

Что такое зыбь?

Мелким почерком ветер писал по воде.

Что такое зыбь?

Промчался ветер, в травах просвистя,
И заводь зябко сжалась от испуга.
Ты — судорог и сумерек дитя —
Вечерняя озерная кольчуга.

Что такое зыбь?

И вдруг мне показалось, что вода
Несет гигантских пальцев отпечатки.
О, это дело рук Твоих, Господь.
Ты уличен. Ты создал этот мир.

СКРИПАЧ

Звуки тончайшей выточки
Соскальзывали с плеча,
Как будто тянул он ниточки
Из солнечного луча.

Лежала на скрипке щека еще,
Дрожала еще рука,
И звук всплывал утопающий
За соломинкою смычка.

И ноту почти паутинную
Он так осторожно сужал,
Что скрипка казалась миною,
Которую он разряжал.

Еще рассвет. Еще туманный хаос.
Еще, передрассветно колыхаясь,
Деревья — еле видимые — в дымке
Похожи на рентгеновские снимки.
Еще рассвет. Но из туманных грядок
Весь город выпадает, как осадок.
Выходят, как из мутного раствора,
И памятник, и выступы собора.
И дом обозначается за домом,
Чтоб стать на небе каменным изломом,
Чтоб стать на небе четкой и упрямой
Извечной городской кардиограммой.

Над мальчишкой крепким и румяным
На скамейке суетится мать.
Вырастет и станет хулиганом,
Будет грабить, жечь и убивать.

А быть может (колесом раздавлен!)
Мальчуган поселится в раю,
Будет Богом в ангелы поставлен,
Чтобы жизнь замаливать мою.

Я это молчание выбил, как пробку,
И залил бумагу лиловым вином...
Веселого месяца тонкую скобку
Повешу над самым высоким окном!

И только рукою взмахну я надменно,
И город столпится у этой реки, —
Смотри — на балконах стоят джентельмены
И к звездам бросают свои котелки!

И небо прожектором залито синим,
И, кажется мне, я по крышам иду.
Какая-то женщина в платье павлиньем
По небу ночному летит как по льду!

И рвутся ракеты, и гаснет каскадом
За красной струей золотая струя...
Ну что ж, ты довольна своим маскарадом,
Ответь мне, бессонная совесть моя?

Мы все столкнуться с тобой не умеем,
Я спорил с тобою до боли в висках,
Водил по театрам, таскал по музеям
И скрипками мучил в ночных кабаках!

Мне всё в этом мире казалось забавой,
Зачем же, и мир от меня заслоня,
Прощальные слезы ирландки картавой
Как капельки лавы сжигают меня.

Пятнадцать тысяч ночей
Меня приходили проведать,
И всё до последней звезды
Они приносили мне.

Пятнадцать тысяч ночей —
Земное богатство мое,
Хочешь, тебе отдам
Всё до последней звезды.

Вот черного мрамора ночь
В белых прожилках звезд,
Ты выстроишь из нее
Сонные города.

А хочешь вокзальную ночь,
Железнодорожную ночь,
Забившую в прорезь моста
Заклепанный болт луны.

Возьми океанскую ночь,
Ночь плавающих звезд,
Ночь шатких, черных зеркал,
Вздохов соленых ночь.

Я дам тебе белую ночь
В городе над Невой,
И ты ощутишь звезду,
Как ощущают укол.

Есть еще у меня
Ночи — ты их не тронь —
Ночи, когда я хотел
Понять, что такое смерть.

Такие ночи темней
Каменноугольных шахт.

Снова смерть дала мне повод
Убедиться и понять,
Что земную жизнь, как провод,
Надо где-то заземлять.

Слишком много было молний,
Ударяющих в пути,
В глубь кладбищенских безмолвий
Надо молниям уйти.

И очистившись от гнева,
Наконец смирясь во всем,
Мы сверкающее небо
В гроб с собою унесем.

Хлопочет сердце где-то в глубине.
Как моль в шкафу, оно живет во мне.

От жизни, как от старого сукна,
Осталась только видимость одна.

Всё перетлело, чтобы жить могло
Заносчивое маленькое зло.

Сколачивали тучи вскладчину
В горах вечернюю грозу.
Весь потемневший и взлохмаченный
Лес беспокоился внизу.

И там, где камни наворочены,
Там, над дорогою кривой,
Осины сбились у обочины,
Тряся испуганной листвою.

По небу отсветами плещется
Жар-птицы молнии перо.
Пошло трещать, земля-помещица,
Твое зеленое добро!

И над бобровою запрудой,
Ворвавшись в мертвый бурелом,
Как будто палицей орудуя,
Прошел многоэтажный гром!

И вновь, вверху, собравшись с силами,
По тучам с грохотом полез,
И наконец, ударив, выломил
Ворота всех семи небес.

И сразу, через все пробоины,
Сверкая, зыблясь и галдя,
Пошли, колоннами построены,
Косые полчища дождя.

ИЗ РИЛЬКЕ

Всё это там, где крайний ряд лачуг
И новые дома, что узкогрудо
И робко выступают из-под спуда
Лесов, чтоб видеть, где начнется луг.

Весна всегда там теплится чуть-чуть,
В бреду подходит лето к этим доскам,
Неможется деревьям и подросткам,
И осень лишь повеет чем-нибудь

Далеким, примиряющим: зарю
Там нежно плавит вечер на равнине,
И брезжит стадо, и пастух в овчине
К последнему прижался фонарю.

Моей жене

Деревца горят в оконных рамах,
Как пирамидальные костры
В застекленных параллелограммах.
Блещут свечи, бусы и шары.

Посмотри, вверху над небоскребом
Встала Вифлеемская звезда.
Даже небо кажется особым,
Сделанным из голубого льда.

Мы пойдем бродить с тобой без толку
За веселой цепью огоньков,
Всю тебя осыплю я, как елку,
Золотым дождем моих стихов.

Вот он снежный, уличный, старинный,
Радостный, рождественский уют.
И витрин высокие каминны
Заревом прохожих обдают.

Вот и ты застыла изумленно,
Бронзовым окном поражена,
Точно там не звери из нейлона,
А блистает клад с морского дна.

Закипает вечер снегопадом,
Светятся снежинки на бегу.
У окна стоят с тобою рядом
Ангелы босые на снегу.

В горячей и пыльной столице
Ты книгу Толстого открой.
И вдруг с типографской страницы
Запахнет землю сырой.

Как будто проходим мы лугом,
Как будто мы полем идем.
Как будто он вспахивал плугом
Вот этих страниц чернозем.

Бродильные крепкие соки,
Пахучие соки земли,
Вот в эти толстовские строки
Тяжелым составом вошли.

Пускай они кажутся грубы,
Но плотно друг в друга войдя,
Сколочены фразы как срубы
Одним топором без гвоздя.

Толстому ль вколачивать ровно
Искусства заржавленный гвоздь.
Он слов непокорные бревна
Сразмаху сбивал на авось.

Героя по своему строя,
С него он соскабливал грим,
Что толку в типичном герое,
Он должен быть неповторим.

Зачем приукрашенность Анне,
Наташе к чему ореол?
Толстой их не вывел в романе,
А просто на землю привел.

НЕБО

I

Я знаю, что неба не хватит.

Немного

у неба

осталось

времени.

Потомки

какой-нибудь паклей

законопатят

Прорву космической темени.

Еще я небо в живых застал!

У меня еще

место

в звездном театре.

Быть может, остались еще места

Всего поколения на два,

на три.

Мне уже
на земле
не хватило земли.
Был я
едва подростком,
Когда землю
с обеих сторон
от меня отсекли,
Оставив
узкой дороги полосу.

Ничего у меня не было,
Только одна дорога.
Но над дорогою было небо
И было его много.

С небом
была в моей кружке водица.
С небом —
краюха хлеба.
А когда-нибудь человек родится,
И ему не достанется
неба.

II

Вечная темень вселенной.
Атомных ламп
сияние синее.

Город
 с гигантской антенной.
Город,
 построенный из алюминия.
И миф о закате и солнечном свете
Толкует
 профессор
 в университете.

— Вот этот
 мрак,
 над нами разверстый,
Черная
 яма
 вселенной —
Находится
 в веденьи министерства
Санитарии
 и
 гигиены.

Где
 мнилась
 архангельская труба
Древним
 небопоклонникам,
Туда,
 в темноту,
 в ракетах-гробах,
Мы запускаем
 наших покойников.

Мы землю
 не засоряем отбросами,
Рассадником эпидемий!
Отбросы —
 атомными насосами
Вышвыриваются
 в верхнюю
 темень.
Кто видел солнце?
 Мы знаем, что нет его:
Будь оно
 в месте
 самом укромном,
Радара
 диск фиолетовый
Его бы нащупал экраном приемным.

Кто видел
 когда-нибудь
 звездный проблеск,
В который верили многие?
Небо
 для нас —
 это только область
Канализации
 и
 мифологии.

III

А где-то
 под сводом стеклянных аркад,
Уже предугадывая потерю,
Девушка спросит:
 «Ты веришь в закат?»
И юноша-скептик ответит:
 «Не верю».

А где-то
 художник-абстракционист,
Вообразивший, что небо —
 синее,
Что бывает луна, —
 на синий лист
Наклеивает
 кружок алюминия.
И в обсерватории
 уединенной,
Как будто
 навек
 к телескопу примерз,
В черную
 бездну
 смотрит ученый
И ждет
 второго
 пришествия
 звезд.

Послушай, я всё скажу без утайки.
Я жертва какой-то дьявольской шайки.
Послушай — что-то во мне заменяя,
В меня вкрутили какие-то гайки,
Что-то вмонтировали в меня.

Впервые почувствовал я подмену,
Когда мне в окно провели антенну,
Когда приемник вносили сюда,
Как будто втащили Лондон и Вену,
И Рим и Москву — и все города!

И поползли на меня через стену
Змеями черными провода.

Послушай, сперва добрались до слуха
И стали мне перестраивать ухо,
Взялись сверлить и долбить и вертеть.
Что-то в ушах моих щелкнуло сухо:
Слух мой включили в общую сеть.

И вот в мои слуховые каналы
Вломились все позывные сигналы,
Разом крутиться пластинки пошли,
Заговорили вразброд, как попало
Радиостанции всей земли.

И отключили от Божьего мира
Душу мою — моего пассажира.

Послушай, я скоро прибором стану,
Уже я почти что не человек,
В орбиты мне вставили по экрану,
И я уже не увижу поляну,
Я не увижу звезды и снег.

А будут на пленочной амальгаме,
Где-то под веками мельтеша,
Экранные люди в джазовом гаме
Выкидывать сплюсненными ногами
Остервенелые антраша.

Пойми, мне помощь нужна до зарезу,
Пойми, я больше так не могу,
Меня опять готовят к протезу,
Уже протянут холод железа
Где-то в бедном моем мозгу.

Я знаю их адские выкрутасы,
Знаю, к чему это клонится всё,

Они мне сердце хотят из пластмассы
Вставить и вынуть сердце мое.

И никуда я от них не укроюсь,
От них никуда мне не увильнуть.
Мой пассажир оставляет поезд.
Порожняком я трогаюсь в путь.

Я даже смерти не удостоюсь.
Мне запретили отныне и впредь
По-человечески вспыхнуть, то есть
По-человечески умереть.

Ни ангельских крыльев, ни эмпиреев,
Ни райского сада, ни звездных люстр,
А просто иссякнет заряд батареи
И я, как машина, остановлюсь.

Я вывеску приколотил:
— Лавка ночных светил —

Я нанизал, как бусы,
Луны на все вкусы.

—Печальные анонимы,
Апологеты уныния!
— Совершенно незаменимый
Месяц из алюминия!

У него замашки
Дагестанской шашки!

Занесен он наголо
Ослепительно светло.

А на левом фланге
Месяцы — бумеранги.

Как паутинки
Тонки и робки,
Месяцы — льдинки,
Месяцы — скобки.

Рядом на полке
Месяцы — щелки.

Месяц — хрусталик,
Месяц — крючок,
Месяц — рогалик,
Месяц — стручок.

Выточен плотно,
Тяжек, упруг,
В тучах — полотнах,
Месяц — утюг.

Кто о месяце этом
Вспомнит добром,
Он висел над кацетом
Человечьим ребром.

Вы видите, луна красна,
Вся в облачном угаре,
Как будто бы всю ночь она
Гуляла на пожаре.

Отходящие ко сну,
Любители томления,
Хотите, доведу луну
До белого каления?

Сочинять надоело,
Столько лет потерял.
Ликвидирую дело,
Продаю матерьял.

Месяца светящийся фаянс.
Отблески на крышах и антеннах,
Окон неоконченный пасьянс,
В сумерках разложенный на стенах.

Лампа загорается в окне,
Точно свет нисходит благодати,
И плывут, как в золотом вине,
Тени на сияющем квадрате.

Мне не раз казалось, что они —
Только дрожь потусторонних планов,
Кто-то резко выключит огни,
И они исчезнут, в камень канув.

Я и сам поставлен под стекло
Высоко, почти под самой крышей,
Чтоб сиянье города вошло
В хрустали моих четверостиший.

Чтоб душа могла маячить так,
Как реклама на вечерней вышке,
То мгновенно прятаться во мрак,
То бросать оранжевые вспышки.

Юрию Большухину

Простому камню грубость
Оставь, каменотес,
Клади его, как Рубенс
Фазана — на поднос.

Пускай щербат и кряжист
И в выбоинах сплошь,
Чтоб чувствовалась тяжесть,
Когда его кладешь.

Поэт, на стих отважась,
Не прыгай налегке,
Пусть чувствуется тяжесть
Такая же в стихе,

Пусть чувствуется грубость,
Пусть будет стих щербат,
Клади слова, как Рубенс
Клад в чашу виноград.

Тот думает о ближних,
Тот знает ремесло,
Кто слово, как булыжник,
Ворочал тяжело.

В ГРИНВИЧ ВИЛИДЖ

Всю ночь музыкант на эстраде
Качался в слоистом дыму,
И тени, по волчьему, сзади,
На плечи кидались ему.

Себя самого растревожа,
Он несся в какой-то провал
И нежно во влажное ложе
Протяжные звуки вливал.

Здесь всякий приятель со всяким,
И всякий здесь всякому рад.
Артисты, пропойцы, гуляки.
Толкаются, пьют, говорят.

Над столиком тонкий светильник
Мелькает в зеленом стекле.
Привет тебе, мой сомогильник,
Еще ты со мной на земле.

Привет тебе, мой современник,
Еще ты такой же как я,
Дневной неурядицы пленник
Над рюмкой ночного питья.

Какая-то тусклая жалость
Из труб серебристых текла,
Какая-то дрянь раздевалась
На сцене ночной догола.

Картины кострами сложите
И небо забейте доской!
Не надо уже Афродите
Рождаться из пены морской,

Не всплыть ей со дна мифологий,
И пена ее не родит,
Тут девка закинула ноги,
Тут кончился век афродит.

Я пальцами в такт барабаню,
Я в такт каблуками стучу,
Я тоже со всей этой дрянью
В какую-то яму лечу.

В голове крутились строчки
Неоконченных стихов.
Шла луна в одной сорочке
Тонких, дымных облаков.

Как во дни царя Гороха,
Бродит в небе до утра.
Ты бы спать пошла, дуреха,
И светилам спать пора.

Напечатай объявление
Или вывеску привесь,
Что прекрасные мгновенья
Останавливают здесь.

Прибивают здесь закаты
Между двух больших берез,
Чтоб стояли розоваты
И никто их не унес.

У заката, как у сцены,
Тут поставлена скамья,
Где остались неизменны
На столетья ты и я.

На ребре волны стеклянной
Встал огромный пароход.
Ни в какие океаны
Он от нас не уплывет.

И волна хрустальным клювом
Навсегда загнулась здесь,
И как будто стеклодувом
Изготовлен вечер весь.

Здесь забот и странствий бремя
Никого не тяготит.
Здесь вырезают время
Так же, как аппендицит.

Я на заре вечерней
Стою перед харчевней.

Смотрю я вглубь витрины,
Где ты перед жаровней
Вращаешь кус свинины,
Огромный и неровный.

Где ты — король сосисок,
Ты — царь окороков,
Блистаешь среди мисок,
Паришь среди горшков.

Ты создаешь еду!
Ты тот, кто обессмертил
Котел, прославил вертел,
Внес в мир сковороду!

Жир со свинаячьей кожи
Ты так умело льешь,
Должно быть ты и рожей
На медный чан похож.

Но, осторожно пятясь,
Ты повернулся вдруг,
В лице твоём и святость,
И бледность, и испуг.

Твои глаза с ознобом,
Под ними темный кант,
Акварелист должно быть,
Должно быть музыкант.

Как ты зрачками юркнул,
Мышонок, а не царь,
Как ты устал от буркал,
От рож, от рыл, от харь.

Они ежевечерне
Толпятся у окна,
Из глубины пещерной
Встают как муть со дна,

И отсвет шевелится
На каждом кровавой,
Как будто эти лица
Все куплены в мясной.

Сюда ежеминутно
Заносит их прилив.
И я расплылся мутно,
И я к стеклу прилип.

Ты, малыш,
Крепко спишь!

Спи, дружок,
Сном невинным.
Твой чулок
Над камином.

Звезда, раскаляясь,
Мигает тебе,
К тебе Санта Клаус
Летит по трубе.

Остерегайтесь! По городу
Шныряет такой же дед,
Наклеил такую же бороду,
В такой же кафтан одет.

Он с виду почти что пастырь
И благодетель ваш.
Не верьте ему — он гангстер,
Маклер, делец, торгаш!

Бородищу всем на зависть
До сверканья выбелил,
Распевает он акафист,
Посвященный прибылям!

Ах, какой же он смешной,
Весь в улыбке, весь в снегу,
Он пришел сюда с мошной,
Выколачивать деньгу!

Он товару и себе
Расточает похвальбу,
Он спустился по трубе,
Чтоб тебя пустить в трубу!

Разрумяненный, эдемский,
Сверхблаженный старичок!
На звезде на Вифлеемской
Нацепил он ярлычок, —

Возвестил благую весть,
Что на звезды цены есть.

У преддверья Рождества
Льстиво ерзающий,
Это он из торжества
Сделал торжище!

Оборотист этот дед,
Старикашка прыток,
Это он придумал бред
Праздничных открыток,

Продает на пятак
Хлама разного!
Рождество Твое
Разве так
Надо праздновать?

На пятак продает
Хлама сущего,
Рождество Твое
В оборот
Дедом пущено!

Побрякушки горят
Ерундовые!
Рождество Твое
Напрокат
Арендовано!

Заклинаю я поколениями
В Бога веровавших людей —
Старикашку с его оленями
Гнать бичами пора с площадей!

Пожалей нас,
Святой Николай!
Нам увидеть
Звезду
Пожелай! ..

Наскучила косность
Привычной орбиты,
И рвемся мы в космос,
До блеска умытый.

Там, в междупланетной
Светящейся стуже,
Убогость заметна
Звезды неуклюжей.

Звезда там угласта,
Тускла и шершава,
Как будто угасла
Вулканова лава.

Там прутья из стали
Сгибались, ломались,
А мы называли
Ее Стелла Марис.

Как будто из кузни
Обломки металла,
Беспомощно грузны,
Поникшие вяло,

Видать, что клепал их
Какой-то Вакула,
Скрепил как попало
И вешал огулом

Гигантские гвозди,
Стальные антенны,
Там выкачан воздух
Из целой вселенной,

Там грешному телу
Дышать даже нечем,
Так что же там делать
Мечтам человечьим?

Ужели же ради
Вот этой химеры
Вздыхали Саади
И пели Гомеры?

И август, что флером
Звездился искристым,
Был просто жонглером
Иллюзионистом?

Кто яму прославил
Названьем нелепым,
Кто звал эту заваль
Божественным небом?

В провал безымянный,
В глубины вот эти
Летят обезьяны
В турбинной ракете.

Лети, обезьяна,
Ты наш чичероне
В глуши первозданной
И потусторонней!

Гримасы осклабив,
Скачите, резвитесь,
Лазутчики штабов,
Шпионы правительств!

Снимайте на пленки
Своих аппаратов
И Лондон, и Конго,
И Кельн, и Саратов!

Сквозь иллюминатор
Кабины летящей
Глядишь на меня ты,
Косматый прапращур,

И ловишь меня ты
В капканы экранов,
На координаты
Каких-нибудь планов.

Ты чуешь, мошенник,
Рассадник блошиный,
Что все мы мишени
Для этой машины.

Какого фантаста
Безумствовал циркуль,
Чтоб этот, блохастый,
Из космоса зыркал?

Предвидел Коперник,
Зажглось Галилею,
Чтоб тварей пещерных
Умчать к Водолею!

Предстало великим
В мечте дерзновенной,
Чтоб эти вот с гиком
Неслись по вселенной!

Тучнели от гари
Костры инквизиций,
Чтоб в космосе хари
Могли проноситься,

Бросали в темницы,
Пытали за ересь,
Чтоб им проноситься,
Хрипя и ощерясь,

С ужимкой, с ухмылкой,
С икотой и с визгом,
За звездной прожилкой,
За месячным брызгом,

Чтоб там им вертеться,
Вверху каруселься,
Земля, в твое сердце
Смертельно нацелься!

Я помню чайку над заливом,
Почти припавшую к волне,
И дерево, зеленым взрывом
В глаза ударившее мне.

Года, вы с грохотом идете
И где-то падаете все,
А я — всё там — на повороте
Того бессмертного шоссе

Стою, навеки удивленный,
А крымский берег подо мной
Всё машет мне листвою зеленой,
Всё машет синею волной.

Знаю, не убьет меня злодей,
Где-нибудь впотьмах подкарауля,
А во имя чьих-нибудь идей
Мне затылок проломает пуля.

И расправу учинят, и суд
Надо мной какие-нибудь дяди,
И не просто схватят и убьют,
А прикончат идеалов ради.

Еще буду в луже я лежать,
Камни придорожные обнюхав,
А уже наступит благодать —
Благорастворение воздушных,

Изобилье всех плодов земных,
Благоденствие и справедливость,
То, чему я, будучи в живых,
Помешал, отчаянно противясь.

И тогда по музам мой собрат,
Что о правде сокрушаться любит,
Вспомнит и про щепки, что летят,
Вспомнит и про лес, который рубят.

РЕАКТИВНЫЙ САМОЛЕТ

Пронесся в небе звук протяжный,
И зашипело всё кругом,
Как будто бы по ночи влажной
Прошли горячим утюгом.

Разбужен, я вскочил с кровати,
Встал у открытого окна.
Как драгоценный камень в вате,
Блистая в облаке луна.

Там подымались, темно-сини,
Сооружения небес,
А звука не было в помине,
Он оглушительно исчез.

Но всей тоской моей упрямой
Я знал, что где-то там, вдали,
Он мчится над такой же самой,
Над смежной полосой земли,

И в нарастающем раскате,
В таком же городе ночном,
Там человек вскочил с кровати
И встал, как я, перед окном.

Тут волна ко мне подходит вкрадчивая,
Камушки у ног переворачивая.

Тут волна ко мне подходит палевая,
Легкой-легкой пеною заваливая.

Тут волна ко мне подходит ласковая,
За собою водоросли втаскивая.

Поутру вода тут малахитовая,
И песок вздыхает, воду впитывая.

Вечерами тут волна агатовая,
Набегает, брызгами окатывая.

Мне отсюда уходить не хочется.
Берег, как большое одиночество.

Как мятежники держат ружье,
Так вы держите гнев наготове.
Оттого и на сердце мое
Замахнулись тяжелые брови.

Оттого ваше темное «эл»
Так на «ве» временами похоже,
Оттого я был с вами несмел,
Может быть и любил оттого же.

Опоздавшее сердце, ржавей!
Вы от жизни моей отойдете,
Но размах этих долгих бровей
Я запомню, как птицу в полете.

Лиле

По-ученому не говори.
Пусть наивностью речь твоя дышит.
Будешь много читать словари —
О тебе в словарях не напишут.

Бойся благоустроенных слов,
Слов-чиновников, слов-бюрократов,
Слов без выступов, слов без углов,
Гладко-выбритых, щеголеватых.

Чтобы стих по-степному был дик,
Как душа, был широких размахов —
Напусти в него слов-забулдыг,
Слов-отверженцев, слов-вертопрахов;

И в словах оставляй сквозняки.
Если схватит читатель простуду —
Значит, ветер качает стихи,
И стихи уподобились чуду.

Сочиняй с разумением в лад,
Никогда не гоняйся за звуком;
Сочиняй, как хозяйка салат:
Чтоб запахло укропом и луком.

Чтобы каждый предмет норовил
Озариться свеченьем глубинным,
Чтобы в листьях сквозил хлорофил,
Чтобы кровь была с гемоглобином.

И стихи за стихами пиши,
Сочиняй и некстати и кстати,
Для души или не для души,
Для печати и не для печати.

Восклицанья вороньи
Повторяет воздух со всех сторон.
Ах, какое одностороннее
Образование у ворон.

Еще минута — и листик закружится,
А мы сидим и медлим и ждем.
А на асфальте зеркальце-лужица,
Забытое здесь вчерашним дождем.

И смотрит в него березка застенчиво,
Сама собою удивлена,
Хоть и березка, а всё-таки женщина,
И даже кудри красит она.

Ах, какая на всем ирония!
Года за уроном наносят урон.
Восклицанья вороньи
Повторяет воздух со всех сторон.

У вас в глазах то робость,
То озорство, то страсть.
У вас глаза, как пропасть,
Где так легко пропасть.

Они у вас туманны,
И чуть блестят они.
У вас глаза — капканы,
Ловушки, западни.

Там вспыхивает шатко,
Там прячется, скользя, —
Решимость и оглядка,
И можно, и нельзя,

Открытость и рисовка,
Отчаянье и блажь —
Глаза, как маскировка,
Глаза, как камуфляж,

Как лунных два осколка,
Как дымных два цветка,
У вас глаза — двустволка,
Что бьет наверняка.

У вас они бездонней
Всех омутов и рек,
У вас в глазах — погоня,
У вас в глазах — побег.

И собственному сердцу
Я говорил не раз,
Что мне не отвертеться
От ваших дымных глаз.

В них темный ветер риска,
В них сам себе я снюсь.
Когда-нибудь я низко
Над ними наклонюсь.

Ветки голы. Месяц тонок.
Поздней осени пора.
Ветер плачет, как ребенок,
В люльке каменной двора.

Были суды-пересуды,
Разговор за коньяком,
Горы сдвинутой посуды,
Дым под самым потолком.

Разошлись куда-то гости,
Всё затихло, всё прошло.
В ледяном, ночном нахлесте
Ветки бьются о стекло.

Может быть ушел я с ними
И в пути отстал от них,
И пропал в тяжелом дыме,
В наваждениях ночных.

Где-то ходит по вселенной,
Где-то прячется в веках
Нетерпимый и надменный
Ангел в рваных башмаках.

Если я дорогой к раю
Повстречаю тень твою,
То тебя я не узнаю,
Как себя не узнаю.

Другим пусть кажется завидным
Спешить всю жизнь из края в край,
А мне сидеть бы дома сиднем —
Где вырос, там и помирай.

С тех пор, как журавлиной тягой
Несет по тысяче дорог,
Душа горюет доходягой
За темной проволокой строк.

С тех пор, как птичьим всполошеньем
Куда-то вечно тянет в путь,
Живу крылатою мишенью,
Пока подстрелит кто-нибудь.

Я прошел переулком весенним.
Постоял у веселой реки.
Ошалело по всем направлениям
В наступление шли сквозняки.

Мне лиловое небо оттуда
Показалось еще лиловей.
Кровеносным сплетеньем сосудов
Подымались сплетенья ветвей.

И тяжелые птицы качались
И кричали в пустой высоте.
И огни городские, хрустясь,
Отражались в речной скользоте.

Я совсем позабыл про усталость,
Только слушал, как возле меня
Прекращалась и вновь учащалась
Суматошных ветвей стукотня.

Высунулся во мглу
Из вороха одеял.
Проверил — стоит ли дом на углу:
Стоит, как вчера стоял.

Поправил ветер в саду,
Что бил о звезду доской,
Из сада убрал звезду
И вывесил над рекой.

Кажется, Орион
Задел и качнул плечом,
И ушел досматривать сон
(Уже не помню о чем).

К. Н. Астори

Осень, осень — торопливый график,
Ты наносишь темные штрихи,
И кладут косую тень на гравий
Буков лиловатые верхи.

Ты глядишь перед собою прямо,
И речная даль тебе видна.
Ты ее с утра вставляешь в раму
Моего высокого окна.

Торопливый рисовальщик — осень,
Ты опять тоской меня обдашь,
Вот он — нелюдим и грандиозен —
Твой речной, твой ветренный пейзаж.

Облаков больших твоих наплывы,
Как попало, грубо наведя,
Ты уже кидаешь торопливо
Черточки пунктирного дождя.

Но пока, по ветру птиц развеяв,
Ты набросок делаешь углем,
Бережней, чем под стеклом музеев,
Он хранится под моим стеклом.

Мой театр ослепительно умер
От разрыва суфлерской будки,
И в театре темно, как в трюме,
Только скрип раздается жуткий,

Это я, обанкротившись дочиста,
Уплываю в мое одиночество.

Но я обманываю время,
Еще я где-то в странной драме,
Со всеми ведьмами, со всеми
Шекспировскими королями,

Еще в костюме я и в гриме,
Еще я в молнии и громе,
А может быть я в древнем Риме,
А может быть я в нервной дреме.

Надо мною небес многоплановость
И, как парус, качается занавес.

Там на острове пальма кокосовая,
Перед островом — море розовое,
И сегодня с моею лирою
Перед пальмою я позирую.

Я восхищенно стану в позу,
Я руку вытяну вперед,
Как фокусник, который розу
Откуда-то из воздуха берет.

Я показываю фокус —
Только палочкой взмахну,
Моментально жизни окись
Превращаю в седину.

Я тоже иллюзионист.
Уже висок мой серебрист.

Я развлекаюсь в одиночку
В веселом обществе теней.
Художник, становись на бочку,
Чтоб быть видней.

Итак, представим мизансцену:
Мое окно выходит в стену.
Стена. Веревка для белья.
Окно. Стена. Веревка. Я.

ПОЭМА БЕЗ НАЗВАНИЯ

Сергею Бонгарту

Там, в сквере, пять иль шесть
Деревьев оголенных,
Но как-то страшно сесть
У этих голых кленов.

Там пьяницы сидят,
И Данте Алигьери,
Как страж у входа в ад,
Поставлен в этом сквере.

Он здесь уже давно.
Он наблюденьем занят.
Он смотрит, как вино
Босяк из фляги тянет.

И как передает
Он эту флягу другу.
Друг отопьет — и вот
Она пошла по кругу.

Что им земная боль,
Обиды и измены,
Так нежно алкоголь
Разогревает вены.

Блаженны босяки.
Кто на земле мудрей их?
На скамьях пиджаки,
А души в эмпиреях.

В глаза их посмотри,
В лоснящиеся щели.
У каждого внутри
Не сердце, а качели.

Но вот уже дома
Над улицей качнулись,
И улица сама
Качнулась среди улиц.

Где подымался ввысь
Какой-то камень серый,
Оранжево зажглись
Квадратные пещеры.

Автомобиль кривой,
Как допотопный ящер,
Скользнул по мостовой
На светофор горящий.

Весь уличный пролом
Заставлен небосклоном.
Там небосклон стеклом
Стоит темнозеленым.

На этот жалкий сад,
На этот сброд невзрачный
Три звездочки глядят
Из полумглы коньячной.

На этот бедный люд,
На этот люд никчемный,
Они сиянье льют
Из глуби полутемной.

Три звездочки — ночей
Серебряные банты
Блистают на плече
У каменного Данте.

Ночные голоса
И гул трактирных стоек
Не слышат корпуса
Неконченных построек.

Их силуэт сквозной
Напоминает соты
Под маленькой луной,
Закинутой в высоты.

И корпуса таят,
В стенах своих упрятав,
Звучание сонат,
Сверкание театров,

Рукоплесканье лож,
Свистки и крик галерок,
Восторженности дрожь,
Взволнованности морок.

И дирижерский взмах
Мерещится оттуда,
Где высится впотьмах
Бесформенная груда.

Но вот уже дома
Над улицей качнулись,
И улица сама
Качнулась среди улиц.

Еще почти что пуст
Участок, на котором
Раскинется искусств
Сверхсовременный форум.

И ты сюда придешь,
И под удары клавиш,
Как ставят грудь под нож,
Всего себя подставишь.

Как много женских плеч
И лиц блестящих глаз,
Чтобы тебя увлечь,
В мехах стоят, как в вазах.

Как много вееров
На бархате балконов,
Люстр, ламп, прожекторов,
Юпитеров, неонов.

А что, когда обдаст
Тем холодком особым,
И ты, энтузиаст,
Отсюда выйдешь снобом?

Не доверяй коврам
И мраморным ступеням,
Павлиньим веерам,
Ночным столпотвореньям.

Верь звонким чердакам,
Что жмутся к самым крышам.
Поближе к облакам
Свободнее мы дышим.

Еще блаженно-тих
Сад, где поставлен Данте.
Еще сюда франтих
Не натащили франты.

И полицейский страж
Еще не гонит пьяниц.
А как войдет он в раж,
То наведет он глянец.

Здесь станет кадилак
С почтительным шофером,
Что смотрит на зевак
Презрительнейшим взором.

И женщина пройдет,
Каменья платьем тронув,
И выставкою мод
Блеснет у этих кленов.

И юркнут в тесноту
Те личности живые,
Что прямо налету
Хватают чаевые.

Но с грохотом дома
Над улицей качнулись,
И улица сама
Взорвалась с сотней улиц.

Где было пять иль шесть
Деревьев оголенных,
Там только тени есть
Обугленные кленов.

Где пьяницы сидят?
Где Данте Алигьери?
Уже у входа в ад
Или у райской двери?

Огромный город ввысь
Швырнуло глыбой серой
И в воздухе рвались
Пещера за пещерой.

Автомобиль кривой,
Как допотопный ящер,
Сдох, испуская вой
И буркалы тараща.

И в небо, как в пролом,
Распахнутый циклоном,
Весь мир упал стеклом,
Рассыпавшись со звоном.

На этот бедный ад,
На этот мусор бренный,
Три ангела глядят
Из огненной вселенной.

Они стоят в дверях
Зари багровотемной,
Глядят на жалкий прах,
На этот прах никчемный.

Три ангела — столбы
Пылающего неба,
Глядят на тех, кто был,
Глядят на тех, кто не был.

Где блещет райский куст,
Поближе к райским хорам,
Раскинется искусств
Сверхсовременный форум.

И женщина в шелках
Приедет в кадилаке,
Туда, где в облаках
Лакей стоит во фраке.

И дирижер в раю
Подыметя над сценой,
Взяв палочку свою
С галантностью отменной.

И полицейский страж,
Весь в переливах радуг,
Небесный ералаш
Там приведет в порядок.

Туда ты не войдешь!
Ты жил уже на свете,
Ты ринешься в галдеж
Земных тысячелетий,

В тот океан земной,
Где катятся лавиной
Все беды до одной,
Все муки до единой.

В тот мир, что, сотворив,
Сам Бог давался диву.
Его не тронет взрыв.
Он недоступен взрыву.

ЛЪДИНА

Дома становились выше,
А улица — всё длинней.
Как промельк летучей мыши,
Я косо скользил по ней.

Казалось, что я задену
Стену моим крылом,
Казалось — я врежусь в стену
Где-нибудь за углом,

Казалось — вот-вот настигнут
Каменные валы,
Но, удлиненно-выгнут,
Я обтекал углы.

Кидая на стены криво
Живые куски теней,
Шарахаясь, как от взрыва,
От вспыхивающих огней,

Я двигался под обстрелом
Витрин, фонарей, реклам,
То залит сияньем белым,
То с розовым пополам.

Как будто за мною гнались
Снопы цветowych лучей
И шел спектральный анализ
Город, твоих ночей!

Мимо авто промчалось,
Шарили прожектора...
Над головой качалось
Созвездие Топора.

Вдруг раскаленный кратер
Улиц ночных померк:
Невидимый декоратор
Выключил фейерверк.

Как будто бы всё живое
Сразу ушло с земли
В тот миг, когда эти двое
На перекресток вошли.

Гасли тысячи свечек.
В город вошли, как в морг,
Мистер Смит — контрразведчик,
Товарищ Петров — парторг.

На всех перекрестках мира
Стоят они по ночам,
На всех перекрестках мира
Прислушиваются к речам,

На всех перекрестках мира
Готовят переворот,
На всех перекрестках мира
Радио их орет,

На всех перекрестках мира
Гуляет их солдатня,
На всех перекрестках мира
Они убивают меня.

А в Антарктике
Среди льдин
В белом фартуке
Жил пингвин.

У поэта и у пингвина
В мире должна быть льдина.

Льдина — оплот
Льдина — приют.
Льдина плывет,
Волны ревут.

Ветер и холодина,
А у меня есть льдина!

Ветер таранящий,
Ранящий, режущий. . .
Льдина — пристанище,
Льдина — прибежище.

И никаких соседей,
Кроме больших медведей!

Волны накинута
Ревом когорт —
Льдина — гостиница,
Льдина — курорт!

Море — а в середине —
Я и пингвин на льдине.

Льдина — качалка
Средь тысячи льдин,
Где вперевалку
Ходит пингвин.

Ходит себе господином
И улыбается льдинам.

Как на духу —
Сердце в грозу.
Небо вверху,
Море внизу. . .

Небо — стекло,
Море — тайник.
Птице — крыло,
Рыбе — плавник.

А у пингвина
Баловника
Две крыловины,
Два плавника,

А у поэта,
А у богемы,
Только примета —
Крылатые темы!

Где ж нам ютиться,
Деться куда еще?
Оба мы — птицы
Из нелетающих!

Оба мы — птицы
Из неуклюжих. . .
Солнце нам снится,
Горящее в лужах,

Ночи нам снятся
На льдине соленой,
Звездные святцы,
Стрельцы, Орионы,

Звездная азбука
В книге воды,
Грозного айсберга
Синие льды. . .

Слушайте, сильные мира сего!
Только и просим мы — льдину всего!

Льдину — скитаться в просторах зеленых,
Льдину — без Наций Объединенных,

Льдину, что кружит, хрустально горя,
Без генерального секретаря,

Льдину, что затемно блещет алмазом,
Льдину, ненужную атомным базам,

Льдину, подальше от лодок подводных,
Льдину подальше от сходок народных,

Льдину без компаса и без маршрута
Льдину, что встала над пропастью круто,

Льдину, что в пропасть плывет без возврата,
Льдину без пропуска и без мандата,

Без конституций и без династий,
Льдину из тех, что несутся на счастье

Там, где лазоревый дым в океане,
В месте, которого нету на плане,

Льдину без кодекса, льдину без статуса,
Льдину для тех, кому хочется спрятаться,

Льдину, что в море плывет анонимно,
Льдину без флага, льдину без гимна,

Льдину из тех, что удаю несется
Без генерала и без полководца,

Без мавзолея и без capitoлия,
Льдину, которой милее приволье,

Льдину, куда не опустится летчик,
Льдину мечтателей и одиночек!

Волны раздвинув, плыви без запретов —
Льдина пингинов, льдина поэтов!

Весь океан, убеленный сединами,
Слева и справа вздымается льдинами...

Я и пингвин — мы выходим на форум,
Мы дирижируем миром, как хором,

Слышим, как волны, высоки и скользки,
Шепчутся между собою по-польски!

Двигаясь медленно в брызгах и пене,
Ставим большие закаты на сцене!

Сколько увидим мы драм и трагедий
Из удивительной жизни медведей!

Рыбу и крабов к обеду надергав,
Мы хорошо проживем без парторгов!

Прямо на нас через водные хляби
Ляжет луны алюминиевый кабель,

Нас повстречает звезда поцелуем
Там, где к полуночи мы пришвартуем,

Там, где за тьмою стоит наше завтра,
Как одинокий корабль космонавта.

СОДЕРЖАНИЕ

Напротив, на стене, мои соседи	5
Здесь дом стоял	6
Снова дождь затеял стирку	8
Комары толклись у водоема	10
Мне незнакома горечь ностальгии	11
Отпускаю в дорогу с Богом!	12
Вселенная! Так вот твоя изнанка!	14
Из углового окна	15
Дождь бежал по улице на цыпочках	16
Небоскребы упрятались в марево	18
Пробегают такси по соседнему парку	20
Нежность видно родилась зайкой	21
Всю ночь мигает вывеской отель	23
Черновик	24
Скрипач	25
Еще рассвет. Еще туманный хаос	26
Над мальчишкой крепким и румяным	27
Я это молчание выбил, как пробку	28
Пятнадцать тысяч ночей	30
Снова смерть дала мне повод	32
Хлопочет сердце где-то в глубине	33
Сколачивали тучи вскладчину	34
Из Рильке	36
Деревца горят в оконных рамах	37
В горячей и пыльной столице	39
Небо	41
Послушай, я все скажу без утайки	46

Я вывеску приколотил	49
Месяца светящийся фаянс	52
Простому камню грубость	54
В Гринвич Вилидж	56
В голове крутились строчки	58
Напечатай объявление	59
Я на заре вечерней	61
Ты, малыш	63
Наскучила косность	66
Я помню чайку над заливом	71
Знаю, не убьет меня злодей	72
Реактивный самолет	74
Тут волна ко мне подходит вкрадчивая	76
Как мятежники держат ружье	77
По-ученому не говори	78
Восклицанья вороньи	80
У вас в глазах то робость	81
Ветки голы. Месяц тонок	83
Другим пусть кажется завидным	85
Я прошел переулком весенним	86
Высунулся во мглу	87
Осень, осень — торопливый график	88
Мой театр ослепительно умер	90
Поэма без названья	92
Льдина	101

Дорогие читатели моих стихов!

Если вам захочется как-либо высказаться по поводу этой книги, то такие «отклики на **Отсветы**» прошу посылать мне по адресу:

Иван Елагин
610 Вест 139 улица,
кварт. 5-Д
Нью Йорк 31, И. И.
США

Ivan Elagin
610 West 139 Street
Apt. 5-D
New York 31, N. Y.
USA.

Цена 2 долл.